

ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕЖИМ В УКРАИНЕ ПОСЛЕ «ПОМАРАНЧЕВОЙ» РЕВОЛЮЦИИ

Юрий Мацневский (Украина)

Проблема изучения политических и общественных трансформаций имеет существенное теоретическое и практическое значение для обществ, находящихся в процессе перемен. К таким обществам относятся и Украина.

Драматические события конца 2004 г. требуют объяснения и прогнозирования возможных направлений изменений в обществе и государстве. В данном исследовании внимание сосредоточено на трансформациях политического режима в Украине, происходящих в период между президентскими выборами 2004 г. и внеочередными парламентскими выборами 2007 г. Несмотря на то что с момента смены власти прошло почти три года, серьезных аналитических исследований трансформаций политического режима фактически не было. Целью данной публикации является попытка заполнить этот пробел.

Я попытаюсь ответить на несколько ключевых вопросов:

- Какой тип политического режима сформировался в Украине в период президентства Л. Кучмы?
- Какой характер смены власти произошел в Украине: эволюционный или революционный?
- Поменялся ли со сменой власти тип политического режима в Украине?
- Если да, то какой тип политического режима формируется в Украине?

Понятие «политический режим» здесь используется для обозначения совокупности формальных и неформальных правил, приемов и методов осущес-

твления власти. Для определения сущности политического режима принято обращать внимание на такие элементы (индикаторы):

- а) процедуры и способы формирования институтов власти;
- б) стиль принятия политических решений;
- в) взаимосвязь власти и граждан.

Следует отметить, что приведенные выше признаки являются постоянными индикаторами, дающими возможность легко различать консолидирование авторитарии или демократии, однако они не совсем подходят для определения переходных режимов. Поэтому для анализа политического режима в Украине, пребывающего в процессе трансформации, эти индикаторы будут дополнены переменными характеристиками, уточняющими сущность переходного режима.

Анализируя политические режимы, необходимо иметь в виду, что смена правительств или главных лиц при власти не обязательно ведет к смене режима. И наоборот, смена режима (хотя это случается значительно реже) может произойти без смены правительства (переход от парламентского к премьерскому правлению во время премьерства М. Тэтчер) или формы правления (приход к власти нацистов в Германии).

Политический режим в Украине с 1994 по 2004 гг.

Определение типа политического режима в Украине в период президентства Л. Кучмы было одной из тем, которые не поощрялись властью. Официальные идеологи активно эксплуатировали тезис о том, что с 1991 г. Украина пребывает в переходном состоянии, двигаясь от тоталитаризма к демократии. Процесс демократизации должен был завершиться формированием правового и социального государства, гражданского общества и рыночной экономики.

Начиная с середины 1990-х гг., понимание того, что декларированные цели расходятся с повседневной политической практикой, появилось в среде украинских интеллектуалов, а позже распространилось среди значительного количества граждан Украины. Лишь немногие исследователи, непосредственно занимавшиеся изучением политического режима в нашей стране, не питали иллюзий насчет недемократичности режима, однако у них были существенные разногласия по поводу определения его типа.

Украинский политолог Владимир Полохало начал дискуссию о недемократической направленности переходного периода в Украине и предложил тезис о неототалитарном характере политического режима в стране [1]. Он выделил семь особенностей посткоммунистического неототалитаризма, присущих, по его мнению, большинству постсоветских стран:

1. Отчуждение большинства граждан от власти при одновременной многомерной зависимости от нее.
2. Одностороннее подчинение граждан правилам, нормам и бесконтрольное осуществление государством своих полномочий.

3. Отсутствие реальных гарантий защиты декларируемых прав человека, его беспомощность перед чиновниками.
4. Присвоение теневых доходов, раздел общенародного имущества при господстве клиентельских связей.
5. Сочетание коррумпированной политической власти, теневой экономики и криминального мира.
6. Доминирование номенклатурно-корпоративных кланов, симбиоз олигархии и авторитаризма.
7. Утилитарное использование олигархами демократических норм и процедур.

Посткоммунистический неототалитаризм В. Полохало определил как «...новейшую разновидность тоталитаризма, при которой тотальный контроль, систематические принуждение и насилие (или угроза их применения) со стороны посткоммунистической олигархической власти к большинству населения применяются легитимно, с использованием демократических технологий, при этом не в жестких (в отличие от тоталитаризма «классического»), а в относительно мягких формах, через множество многомерных и стойких зависимостей (и очевидных, и латентных – социокультурных, правовых, экономических и т.д.)» [2].

В то время как В. Полохало считал нецелесообразным использование западных теорий общественной трансформации, украинский политолог Антонина Колодий, основываясь на разработанной американскими теоретиками модели перехода, предложила пять сценариев развития событий в Украине. Только при первом сценарии было возможно поступательное движение к демократии, а все другие, в той или иной форме, предполагали возведение фундамента авторитаризма. В то же время А. Колодий не представила своего определения типа политического режима, сформировавшегося в Украине во второй половине 90-х гг. XX в., ограничившись использованием тезиса западных транзитологов Г. О'Доннелла и Ф. Шмиттера о том, что Украина относится к переходным обществам с неконсолидированной, неполной демократией, при которой старый политический режим повален, а новый еще рано считать стабильным [3].

О неототалитарном характере политического режима, который имел место в Украине с 1991 г. до начала второй половины 90-х гг. XX в., утверждает и украинский исследователь Сергей Линецкий. Используя систему аргументации «от противоположного», он выделил шесть тезисов сторонников того, что тоталитарный режим в Украине распался, и подверг их жесткой критике. Автор придерживается точки зрения, что «несмотря на значительную инерцию своего развития, неототалитаризм пребывает в состоянии противоборства с демократической альтернативой» [4]. «Переходность» в данном контексте означает, скорее, неопределенность окончательного итога в их соревновании, незавершенность, противоречивость и непоследовательность самой трансформации режима, а значит, и его, в некоторой мере, историческую самобытность.

Тогда как украинские исследователи преимущественно занимались определением степени отдаленности политического режима в Украине от классического советского образца, западные теоретики пытались поместить украинский случай в более широкий теоретический и сравнительный контекст. В результате появилась серия исследований, объясняющих особенности постсоветских трансформаций в нашей стране.

При попытках перенести модель демократических переходов латиноамериканских государств на постсоветские появились критические оценки целесообразности такого подхода. Вначале П. Кубицек (*P. Kubicek*), а позже Т. Карозерс (*T. Carothers*) выступили с критикой идеи необратимости демократических трансформаций в странах с авторитарным прошлым. П. Кубицек определил особенности корпоративного государственного строя в Украине времен президентства Л. Кучмы как такие, которые приближают ее к латиноамериканским странам. Украину, как и Россию, середины 1990-х гг. он назвал «делегативными демократиями», население которых остается пассивным в период между выборами [5].

Британский политолог украинского происхождения Тарас Кузьо (*Taras Kuzio*) опровергает распространенный среди транзитологов тезис об Украине как «делегативной демократии». Данная концепция, по мнению Кузьо, может быть использована только для Юга и Востока Украины, где население проявляло политическую активность в основном в период избирательных кампаний. Однако жители Западного и Центрального регионов Украины сохраняли гражданскую и политическую активность и в период между выборами [6].

Т. Кузьо, следом за Т. Карозерсом и некоторыми другими западными исследователями, предлагает рассматривать Украину как «гибридное государство» с соревновательным авторитарным режимом. Для гибридного государства характерным является сочетание остатков старой советской системы и новых экономических и политических институций. «Политический процесс в гибридном государстве определяется застоєм, коррупцией и доминированием элит, дающих мало пользы для страны и имеющих слабую поддержку населения» [7].

Для гибридных государств, к числу которых Т. Карозерс причисляет также Россию, Болгарию, Боснию, Албанию и Молдову, характерными являются шесть признаков:

- Интересы граждан не полностью принимаются во внимание или же игнорируются.
- Уровень политического участия в период между выборами, как при «делегативной демократии», является низким.
- Правовые нормы подвергаются частым нарушениям.
- Выборы дают неправдивые результаты и поэтому фактически нелегитимны.

- Доверие к государственным институтам уменьшено до предела.
- Функционирование государства в целом является неудовлетворительным.

Эти признаки Т. Кузьо уточняет и дополняет на примере Украины, приводя десять фактов того, что во времена президентства Л. Кучмы в нашем государстве доминировала неосоветская политическая культура [8]:

- Монопольный контроль со стороны центристов (провластные партии).
- СДПУ(о) – аналог КПУ советских времен.
- Попытка кооптировать негосударственные институты к корпоративному сотрудничеству с властью.
- Нетолерантное отношение к оппозиции.
- Несоблюдение правовых норм.
- Негативное отношение к СМИ.
- Возврат СБУ к неосоветским методам борьбы с оппозицией.
- Использование принципов советской национальной политики (доминирование русского языка, отмечание советских праздников).
- Антиамериканизм и антизападная риторика.
- Призывы к интеграции в евроатлантические структуры как ширма для заигрывания с Западом.

Соревновательным авторитаризмом Т. Кузьо считает режим, в котором существуют две тенденции. С одной стороны – доминирование олигархов под прикрытием центристских партий в парламенте, с другой – деятельность оппозиции, препятствующая олигархическим группам установить полностью авторитарный режим. Благодаря тому, что провластные политические элиты времен Кучмы были разьединены, а оппозиция оставалась достаточно сильной, в Украине авторитарный режим не удалось установить в полном объеме.

По мнению Т. Кузьо, состояние нестабильного равновесия, сложившееся в Украине в период президентства Л. Кучмы, в случае победы на президентских выборах В. Януковича могло сместиться в сторону авторитарной консолидации, а в случае победы В. Ющенко – в сторону демократической консолидации. Однако, принимая во внимание события, происходящие в нашей стране в период между президентскими и парламентскими выборами, последнее ожидание можно считать преждевременным.

Убедительное объяснение механизма авторитарного государственного контроля в Украине и других постсоветских республиках предложил американский исследователь Кейт Дарден (*Keith A. Darden*). Он утверждает, что в период президентства Кучмы Украина была «шантажистским государством». Механизм государственного шантажа состоял из трех элементов: терпеливого отношения государственного руководства к проявлениям коррупции, использования политической верхушкой аппарата государственного наблюдения за чиновниками среднего и нижнего звена управления с целью накапливания против

них «компромата» и выборочного применения закона. Платой за благосклонное отношение власти была политическая лояльность к режиму, а наградой – привлечение в коррупционные схемы. Несогласных с режимом чиновников или даже рядовых граждан в любой момент могли раздавить с помощью налоговой администрации или других государственных структур [9].

Модель К. Дардена использовал украинский исследователь М. Рябчук в нескольких своих эссе для иллюстрации механизмов осуществления власти во время президентства Л. Кучмы [10].

Похожую характеристику политического режима при Л. Кучме представляет западный политолог Ханс ван Зон (*Hans van Zon*). Исследователь называет этот режим «бюрократическим», а государство – неопатримониальным: «Украина не имеет консолидированного, современного государственного аппарата, а является скорее неопатримониальным государством, в котором каждый государственный служащий имеет свой фьеф (феодалное владение). Государственный аппарат напоминает паутину отдельных институций, в большей степени озабоченных защитой своих привилегий, чем служением обществу» [11].

Западные исследователи отмечают влияние советских институтов на политическое устройство, практику правления и непоследовательность проведения реформ, что дало основание назвать Украину гибридным государством с электоральным (П. Даниери) или соревновательным (Т. Кузьо) авторитаризмом.

Как видим, политический режим в Украине времен президентства Л. Кучмы большинство ученых определяют как недемократический в диапазоне от неототалитарного (В. Полохало) до соревновательного полуавторитарного (Т. Кузьо). Такие колебания в определениях отражают колебания в сущности самого режима, который за десять лет прошел несколько этапов эволюции.

На мой взгляд, политический режим в Украине в последние годы президентства Л. Кучмы можно рассматривать как своеобразную пирамиду неформальных институционализированных правил осуществления власти. Во главе этой пирамиды находился непосредственно президент, а его ближайшее окружение (администрация президента) и отдельные члены семьи составляли второй уровень влияния. Третий, замыкающий круг состоял из нескольких конкурирующих между собой финансово-промышленных групп. Каждая из них в обмен на лояльность к центру получала привилегии в своем регионе. Такой режим можно определить как патримониально-олигархический авторитаризм.

Революция или переход?

Большинство украинских исследователей и некоторые западные ученые события ноября-декабря 2004 г. называют революцией [12]. Попытка политологического обоснования революционности этих событий более полно, как нам представляется, была сделана А. Колодий и В. Якушиком [13]. Их аргументы

сводятся к тому, что в Украине состоялась не социальная революция, а политическая. В отличие от социальной революции, сопровождающейся насилием, политическая возможна и без него. Однако в Украине революционность проявилась в массовых силовых действиях (В. Якушик) или принудительном отбирании власти (А. Колодий). В результате революции в Украине поменялся политический режим.

На мой взгляд, разделение революций на социальные и политические является некорректным. Понятие политической революции впервые использовал К. Маркс для обозначения первого этапа социальной революции [14]. По Марксу, каждая социальная революция является результатом политической, сущность которой – в свержении старой власти путем революционного восстания. Для мыслящего диалектично Маркса политическая и социальная революции были этапами одного процесса. Украинские же ученые не придали значения этой мысли Маркса, разграничив целостное понятие революции на два типа – социальную и политическую.

Использование понятия «политическая революция» украинскими учеными было обусловлено потребностью обосновать революционность событий конца 2004 года, несмотря на отсутствие в них насильственных действий. Политическая революция в интерпретации В. Якушика и А. Колодий выглядит эвфемизмом для обозначения политического переворота. Ни революции, ни переворота в Украине, однако, не было. ***События ноября-декабря 2004 г. в Украине корректнее назвать широкомасштабными акциями политического протеста, спланированными лидерами оппозиции и поддерживаемыми значительным количеством украинских граждан, в результате чего состоялось падение авторитарного режима Л. Кучмы.***

Утверждения о «неправовой природе массовых силовых действий» или «принудительном отбирании власти» также уязвимы для критики. Блокирование протестующими здания правительства, перекрытие дорог, «принятие присяги» В. Ющенко, издание декретов «Комитетом национального спасения» – действия, которые В. Якушик называет «систематическим прямым давлением широких революционных масс» на разные ветви и органы власти. Безусловно, эти акции осуществлялись с целью давления на действующую власть – но не более того. Указанные исследователи не объясняют, что же, по их мнению, является сущностью силовых действий или принуждения. В интерпретации В. Якушика, «силовые действия» и «давление» – явления одного порядка. Однако я придерживаюсь другой точки зрения. Силовые действия предполагают использование силы, осуществление физического противостояния. Сущностью же политического давления является оказание влияния на субъект принятия политических решений с целью придания им характера, желаемого для инициатора давления. Таким образом, давление не может быть прямым. Прямым может быть только принуждение в виде физического насилия.

Приведенные выше действия, как признает В. Якушик, «это специфические признаки не только революции. Это – общие признаки как революции, так и бунта, восстания, переворота» [15]. По моему мнению, подобные действия, скорее, должны быть признаны характеристиками политического протеста, нежели признаками революции или других, упомянутых выше насильственных действий, поскольку они не сопровождались принудительным отбиранием власти. Ведь решение об аннулировании результатов второго тура выборов президента Украины принималось не на Майдане, а в Верховном Суде. Несмотря на политический характер данного решения, оно дало возможность выйти из кризисной ситуации без применения силы. Факт участия В. Януковича в третьем туре выборов, на фоне политических заявлений о нелегитимности такого решения, свидетельствует о принятии им и членами его команды вердикта Верховного Суда. Кроме того, достижение политического компромисса во время серии «круглых столов» между кандидатами на пост президента и действующим президентом Л. Кучмой является примером политического урегулирования кризиса, а не принудительного отбирания власти.

Наконец, свидетельством того, что события конца 2004 г. в Украине некорректно называть революцией (даже политической), является то, что новой, пришедшей к власти команде не удалось поменять принципы ее осуществления или политический режим. (Данный тезис будет развит в следующих частях статьи.)

Какие же события можно считать революцией? Наиболее авторитетные современные исследователи революции (С. Хантингтон, Т. Скокпол и Э. Тринбергер, Дж. Голдстоун) выделяют следующие характеристики этого феномена: 1) распад государства; 2) насильственный характер действий; 3) глубокая, фундаментальная смена существующего строя и социальной структуры общества; 4) радикальная смена политических институтов и всей политической системы [16].

Если к сказанному добавить, что революции – это преимущественно продолжительные процессы, занимающие от нескольких месяцев до нескольких лет (т. е. макрособытия), активизирующие все слои общества, прежде всего – крестьян, то становится понятно, что признать события конца 2004 г. в Украине революцией довольно проблематично. Вместе с тем они имели некоторые признаки революционности: политический кризис, который длился, начиная с объявления результатов второго тура и заканчивая решением Верховного Суда о признании их недействительными и назначении повторного голосования; политическая мобилизация значительного количества граждан; противостояние власти и оппозиции; политическая поляризация в обществе. Тем не менее, это не дает оснований квалифицировать данные события как революцию, путч, мятеж или переворот. Их оценку в более широкой перспективе лучше осуществлять сквозь призму транзитологии, где выделяют несколько типов полити-

ческой трансформации: реформа, революция, переворот, транзит (или переход). Если революция – насильственная смена существующих институтов, то переход – это такой тип политической трансформации, для которого характерна смена институтов без нарушения правовых норм. Реформа и переворот также не соответствуют этим требованиям.

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что в Украине состоялась ненасильственная смена правящей элиты при участии населения в массовых акциях политического протеста в период президентской избирательной кампании. Другими словами, произошла ротация элит, что, на первый взгляд, выглядело как падение режима. Именно первоначальное впечатление о смене правящих элит в Украине подтолкнуло даже внимательных западных исследователей к выводу о падении режима.

На мой взгляд, события ноября-декабря 2004 г. в Украине более корректно объяснять сквозь призму транзита, или перехода. Если использовать предложенную американским теоретиком У. Растоу классическую четырехэтапную модель перехода и несколько скорректировать ее в соответствии с местными условиями, то экспланационный потенциал модели остается довольно-таки высоким. Началом перехода, по У. Растоу, считается либерализация старого режима. В Украине, как и во всем СССР, либерализация началась в конце 80-х гг. XX в. Правда, в Украине «перестройка» стартовала с некоторым отставанием от Москвы, что было характерным в отношениях между имперским центром и республиками. Провал путчистов в августе 1991 г. и провозглашение суверенитета России, Украины и других республик бывшего СССР стало началом второго этапа перехода. С этого момента динамика и глубина реформ в каждой республике стали приобретать особенный вид. В прибалтийских республиках переход осуществлялся поступательно и линейно, тогда как в Украине, Беларуси и России поступательность и линейность были прерваны в разное время. В Беларуси сворачивание демократизации состоялось с приходом к власти А. Лукашенко. В Украине и России темп реформ начал снижаться приблизительно одновременно – с переизбранием президентов Л. Кучмы и Б. Ельцина на второй срок. Это дало основание некоторым западным исследователям говорить о появлении «гибридных» государств, которые застряли в условной «серой зоне» и не способны из нее выйти. За фасадом слабо выраженных демократических институтов в трех славянских республиках начали формироваться авторитарные режимы, каждый из которых имел свои особенности. Остановка демократизации и возвращение к патримониальному господству и султанизму происходило также в кавказских и среднеазиатских республиках [17].

События, связанные с ненасильственной сменой власти в Грузии (2003 г.) и Украине (2004 г.), положили начало третьему этапу перехода в этих странах. В то же время не совсем мирный способ смены власти в 2005 г. в Киргизстане, неудача оппозиции на парламентских выборах 2005 г. в Азербайджане и прези-

дентских выборах 2006 г. в Беларуси подталкивают к мысли об остановке демократического импульса на постсоветском пространстве [18].

Украинский вариант перехода имеет несколько особенностей.

Во-первых, он является более длительным, чем переходы в восточноевропейских или прибалтийских странах.

Во-вторых, со сменой власти в нашей стране начался третий этап общественных трансформаций. Первый этап длился с конца 1980-х годов до 1991 г. Второй – с 1991 г. до конца 2004 г. В этот период в Украине советский номенклатурный авторитаризм трансформировался в современный кланово-олигархический авторитаризм. Однако утверждать, что два «помаранчевых» правительства и тем более команда В. Януковича способствовали консолидации демократии, было бы некорректно. Определяющей чертой третьего этапа трансформаций является новая, но неполная смена элит, а сущностью – соревнование между бизнес-политическими группами – с одной стороны, и желание остаться у власти, сохраняя позитивный имидж у граждан – с другой.

В-третьих, распад «помаранчевой коалиции» после выборов 2006 г. и формирование коалиции во главе с Партией регионов, по оценкам международной неправительственной организации *Freedom House*, продемонстрировало ухудшение показателей демократических изменений в Украине [19].

В транзитологии различают два варианта перехода – радикальный и умеренный. Радикальный переход осуществляется в тех странах, в которых старая элита полностью утратила легитимность. В таком случае смена режима происходит либо путем абдикации (отказ от власти), как это случилось в 1989 г. в Чехословакии и ГДР и в 1993 г. в Грузии, либо насильственно – в 1989 г. в Румынии и в 2005 г. в Киргизстане.

Умеренный вариант перехода предполагает победу оппозиции на выборах, которая или ведет переговоры со старой элитой о путях и методах проведения реформ, или допускает проникновение представителей старой элиты в структуры власти. Последний из указанных путей является достаточно длительным. К тому же при сохранении позиций старой элиты во власти возможны отклонения и остановки процессов демократизации. Именно так развивались события в Украине после 1991 г. Провал проекта создания демократической коалиции в 2006 г. и формирования правительства из представителей предыдущей власти свидетельствует о сохранении указанной тенденции, а также об очередной паузе в процессе демократизации.

Демократический импульс «Помаранчевой революции» привел к количественным изменениям в верхушке власти, вызвал некоторые изменения в составе властвующей элиты, но не принес ожидаемых качественных изменений. К последним, тем не менее, можно отнести укрепление политической конкуренции, свободы деятельности СМИ, гражданских политических ориентаций у жителей большинства регионов страны.

Переход в Украине усложняется неэффективностью политических элит. Однако у него есть шанс закончиться консолидацией демократии в случае гражданского давления демократически ориентированной части украинского населения на избранный в 2007 г. парламент и правительство.

Смена власти или смена режима?

За три года, прошедшие со времени победы оппозиции на выборах 2004 г., политический режим в Украине проявляет значительный иммунитет к изменениям. Для обоснования данного тезиса я предлагаю сравнить формальные и неформальные правила осуществления власти (политический режим) времен президентства Л. Кучмы и В. Ющенко.

Что изменилось:

- Поменялась риторика власти (идеологема стабильности сменилась идеологемой проведения реформ).
- Изменилось отношение власти к СМИ и улучшилось их положение в стране.
- Предложено ряд инициатив по реформированию структуры органов управления и территориального устройства государства.
- Происходят положительные изменения в политической культуре населения большинства украинских регионов, что приближает ее к гражданскому типу.
- Выход на поверхность политических интриг в окружении президента В. Ющенко указывает на большую открытость нынешней власти по сравнению с принципами ее осуществления времен Л. Кучмы.
- В первый год президентства В. Ющенко происходили позитивные изменения в сотрудничестве государственных и негосударственных организаций, однако вскоре интерес власти к институтам гражданского общества заметно охладел.
- С 1.01.2006 г. вступили в действие дополнения к Конституции Украины от 8.12.2004 г., которые оказали существенное влияние на соперничество между исполнительной и законодательной властью в стране. Однако неэффективность политической реформы привела к серьезному институциональному кризису в апреле-июне 2007 г., сомнительному, в правовом отношении, роспуску парламента и политическому компромиссу, сущностью которого явилось решение ведущих политических «игроков» провести внеочередные парламентские выборы в сентябре 2007 г.

Что не сделано:

- Не завершено ни одно расследование деятельности высокопоставленных должностных лиц по фальсификации результатов президентской изби-

рательной кампании; не привлечен к ответственности ни один высокопоставленный чиновник за коррупционные действия; не закончено следствие по делу об убийстве Г. Гонгадзе.

- Не проведена реформа правоохранительных органов и в полном объеме не осуществлена реформа судебной системы. Поэтому до сих пор имеют место нарушения прав граждан во время задержания, а также проведения досудебного следствия.
- Не создана система общественного вещания, о которой много говорилось представителями новой власти.

Перечень декларированных, но не реализованных при президенте В. Ющенко обещаний, можно было бы продолжить. Здесь я выделил только те лозунги, которые в случае их воплощения в жизнь должны были означать утверждение «ценностей Майдана» и тем самым демонстрировать изменения в принципах осуществления власти.

Что осталось неизменным:

- Сохранилась практика неконкурентного назначения кандидатов на должности разных рангов, что ознаменовалось провалом кадровой политики новой власти [20].
- По-прежнему непрозрачным и непубличным является стиль принятия политических решений. Так, по словам Е. Захарова, Председателя правления Украинской Хельсинской группы и сопредседателя Харьковской правозащитной группы, за 10 месяцев 2005 г. президент В. Ющенко издал 42 указа с грифом «для служебного пользования (ДСП)». Из них пять указов были изданы после 1 апреля 2005 г., когда президент дал публичное обещание подобную практику не использовать. За тот же период Кабмин принял 13 постановлений и распоряжений с грифом «ДСП» [21]. Следовательно, по утверждению Е. Захарова, практика использования незаконных грифов сохраняется, хотя и в меньшей степени, чем при президентстве Л. Кучмы. Двумя другими яркими проявлениями непрозрачности принятия решений является соглашение от 4 января 2006 г. о поставках российского газа в Украину и результаты выборов Председателя Верховной Рады 6 июля 2006 г.
- Не ликвидирована коррупция как системное явление, присущее недемократической модели управления. Это означает, что отношения между представителями власти и гражданами в целом сохраняют патронажно-клиентельский характер. По оценкам авторитетной международной организации *Transparency International*, в 2005 г. по уровню коррупции Украина занимала 107-е место среди 158 стран мира. С показателем 2.6 из 10.0 возможных (чем ниже индекс, тем выше уровень коррупции) мы оказались рядом с Никарагуа, Палестиной, Вьетнамом, Замбией и Зимбабве.

В 2006-м и 2007 г. уровень коррупции снизился, но незначительно. В 2006 г. Украина находилась на 99-м месте с показателем 2.8 вместе с Доминиканской Республикой, Грузией, Мали, Монголией и Мозамбиком.

- В Украине не ликвидированы структуры, осуществляющие прослушивание телефонных разговоров государственных служащих, политиков и отдельных граждан. По словам В. Сивковича (депутата Верховной Рады от Партии регионов), в первый год президентства В. Ющенко оставалось около 30 структур, занимающихся снятием информации с каналов связи [22]. Для сравнения: в 2002 г. было выдано 40 тыс. санкций на снятие информации, а за 9 месяцев 2005 г. – 11 тыс. санкций [23]. Примером сохранения такой практики стал скандал с прослушиванием сотрудниками СБУ кабинета экс-министра юстиции Р. Зварича.
- Осталась без изменений фискальная политика государства с ее главным институтом – налоговой милицией.

Следовательно, новая власть не сумела победить наследие «кучмизма», что может свидетельствовать как о глубине проникновения политической коррупции во все поры общества, так и о «заражении» данной болезнью нынешних правителей. Неспособность преодоления пороков режима Кучмы свидетельствует о моральной терпимости политического класса (элиты) к проявлениям политической коррупции, а значит, ставит под сомнение само определение власти как «новой». Действительно ли в Украине состоялось обновление элиты? И что является его критерием? Эти, пока еще риторические, вопросы могут стать предметом отдельного исследования.

Серьезными угрозами обществу со стороны власти являются инфляция моральных устоев политического класса, сохранение политической коррупции и непубличность принятия политических решений.

При исследовании переходных режимов, наряду с тремя приведенными выше постоянными индикаторами политического режима, на мой взгляд, следует принимать во внимание и несколько переменных, которые помогут четче объяснить характер переходного режима. К их числу я отношу: структуру господствующих групп (элит) в обществе, статус и состояние оппозиции, влияние неинституционализированных структур на политический процесс.

Как правящая, так и оппозиционная элита сохраняют такие черты, как фрагментарность, фракционность, внутренняя борьба и отсутствие общих ценностей, которые могли бы стать основой для выработки общенационального консенсуса. Раскол в команде «оранжевых» сделал невозможным не только формирование единой предвыборной коалиции на выборах 2006 г., но и формирование демократического большинства в Верховной Раде. На внеочередных парламентских выборах 2007 г. Блок Юлии Тимошенко и блок «Наша Украина – Народная самооборона» вместе смогли получить более половины мест в ВРУ

и, на момент написания этой статьи, объявили о создании «демократической коалиции». Личные, тактические и стратегические интересы В. Ющенко и Ю. Тимошенко, а также их команд во многом не совпадают, что вызывает серьезные опасения по поводу эффективности сотрудничества между президентом и правительством Ю. Тимошенко в 2008 г. и особенно накануне президентских выборов 2009 г.

Статус оппозиции остается неурегулированным, хотя ее положение заметно улучшилось по сравнению с периодом второго президентства Л. Кучмы. Жалобы представителей Партии регионов и КПУ на политические репрессии новой власти после выборов 2006 г., скорее, следует воспринимать как признак изменений в положении оппозиции, чем как проявления (чего нельзя исключать в отдельных случаях) политической мести.

Влияние неинституционализированных структур на политический процесс в Украине проявляется в деятельности финансово-промышленных групп (ФПГ). Их роль в принятии решений немного уменьшилась по сравнению с периодом до 2004 г., однако сами ФПГ сохранились и даже появились новые [24]. Наиболее мощная среди них политическая и бизнес-структура Р. Ахметова является сегодня финансовым мотором Партии регионов, за которую на выборах 2006-го и 2007 гг. избиратели отдавали больше голосов, чем за другие партии и блоки. Однако, тем не менее, после выборов 2007 г. ПР не смогла сохранить прежние позиции в украинском политикуме.

Следовательно, в Украине после смены первых лиц государства и значительного количества представителей элиты второго эшелона власти (председателей областных и районных администраций) политический режим, по своей сути, остается гибридным. Инерционность институтов старого советского режима влияла на ситуацию в Украине при президенте Л. Кучме. Теперь же, на протяжении трехлетнего периода президентства В. Ющенко, мы видим проявление прежних приемов осуществления власти. Радикального изменения политических институтов за это время не произошло. Прежние институты и практики сохраняют свое влияние, а новые – в виде люстрации, налоговой, административно-территориальной реформы, реформы местного самоуправления – наталкиваются на сопротивление.

Даже поверхностный анализ постоянных и переменных индикаторов политического режима в Украине дает основание определить его как переходный, слабо институционализированный режим, в котором соединяются как авторитарные, так и демократические приемы осуществления власти. [Подобное определение современного политического режима в Украине встречается в оценках экспертов международной организации *Freedom House*.]

Показатели состояния свободы и демократии в Украине

Показатели	1997	2004	2005	2006	2007
Избирательный процесс	3,25	4,25	3,50	3,25	3,00
Гражданское общество	4,00	3,75	3,00	2,75	2,75
Независимость СМИ	4,50	5,50	4,75	3,75	3,75
Государственное управление	4,50	5,25	–	4,50	4,75
Конституционный, законодательный и судебный строй	3,75	4,75	4,25	4,25	4,00
Коррупция	–	5,75	5,75	5,75	5,75
Шкала демократизации	4,00	4,88	4,50	4,21	4,25

Приведенная выше таблица составлена по данным мониторинга, проведенного по специальной программе в 27 посткоммунистических странах международной правозащитной организацией *Freedom House* [25]. Методология мониторинга исходит из того, что под «1» подразумевается полное соответствие стандартам демократического правления, а отклонение от «1» характеризует уровень несоответствия этим стандартам. Политический режим страны, суммарный показатель которого (шкала демократизации) колеблется в пределах 1–2, определяется как «консолидированная демократия» (*Consolidated Democracy*); на уровне 3 – «полуконсолидированная демократия» (*Semiconsolidated Democracy*); 4 – «переходное правление или гибридный режим» (*Transitional Government or Hybrid Regime*); 5 – «полуконсолидированный авторитарный режим» (*Semiconsolidated Authoritarian Regime*); в пределах 6–7 – «консолидированный авторитарный режим» (*Consolidated Authoritarian Regime*) [26].

Хочу подчеркнуть, что авторитарные тенденции заметны как в исполнительной, так и в законодательной ветвях украинской власти. Изменение статуса депутатов районных и областных советов вследствие принятия закона от 05.02.2007 г. – известного как закон об «императивном» мандате – усиливает влияние формальных и неформальных лидеров партий и руководителей фракций, уменьшая при этом степень воздействия депутатов на законодательный процесс. В случае введения такой практики в Верховной Раде парламент может превратиться в новейшую олигополию – господство ограниченного количества владельцев партий, которые будут иметь решающий голос при принятии политических решений в государстве.

Особенности политического процесса в Украине

События ноября-декабря 2004 г. были величайшим потрясением для всего украинского общества. Политическая система вышла из кризиса благодаря ненасильственному разрешению политического конфликта, частичной ротации элит, замене значительного количества представителей исполнительной власти в масштабах всего государства.

После падения режима Л. Кучмы начался новый этап общественных и политических трансформаций и одновременно закончился десятилетний период авторитарной стабильности. Динамика политических процессов заметно ускорилась. Используя терминологию Д. Истона, можно утверждать, что политическая система оказалась не готова реагировать на многочисленные вызовы, исходящие из внутренней и внешней среды. Правительственный кризис сентября 2005 г., парламентско-правительственный кризис января 2006 г., парламентский кризис июля 2006 г., институциональный кризис апреля-июня 2007 г., а также обострение отношений с Россией по поводу поставок газа и контроля навигационных объектов на южном побережье Крыма – основные политические потрясения Украины последних лет.

Причины названных потрясений кроются в смене политического руководства в стране. «Помаранчевая революция» стала фактором нарушения геополитического равновесия в Евразии, ранее обеспечиваемого доминированием России. Смена власти в Грузии и Украине воспринимается Москвой как угроза ее стремлению вернуть былое могущество путем реализации модели «суверенной демократии», или преобразования России в «евразийскую Нигерию» – ключевого поставщика энергоресурсов для многих европейских и большинства постсоветских государств.

Учитывая то, что новая «демократическая коалиция», сформированная после парламентских выборов 2007 г., выглядит довольно шатко, внутриполитическое напряжение сохранится еще, по крайней мере, до президентских выборов 2009 г. Новых потрясений следует ожидать и во время решения вопросов о статусе русского языка, интеграции Украины в НАТО. После внеочередных выборов в Верховную Раду в 2007 г., без сомнения, не удастся устранить противоречия между исполнительной и законодательной властью.

Движение Украины к консолидированной демократии будет зависеть от способности политических элит конструктивно сотрудничать, эффективности нового правительства во внешней и внутренней политике, взаимодействия Украины с евроатлантическими структурами, степени развития гражданского общества и состояния демократии в соседних странах.

1. См.: Полохало В. Політична арена України // Філософська і соціологічна думка. 1992. № 4; Полохало В. Метаморфози посткомуністичної влади // Сучасність. 1996. № 9; Полохало В. Політологія посткомуністичних суспільств в Україні та Росії // Політична думка. 1998. № 2.

2. *Полохало В.* Політологія посткомуністичних суспільств в Україні та Росії, с. 17–18.
3. *Колодій А.* До питання про політичний режим в Україні // Сучасність. 1999. № 7–8. С. 84–96.
4. *Линецький С.* Політичний режим в Україні (1991–1997) // Політологія: Посібник для студентів вузів / За ред. О.В. Бабкіної, В.П. Горбатенка. К.: Академія, 1998. С. 192.
5. Детальнее о дискуссиях между западными исследователями о сущности политического режима в Украине см.: Kuzio T. Regime type and politics in Ukraine under Kuchma // Communist and Post-Communist Studies. 2005. № 38. P.167–190.
6. Ibid, p. 170.
7. *Carothers T.* The End of Transition Paradigme // Journal of Democracy. 2002. № 13(1). P.10.
8. *Кузьо Т.* Десять свідчень того, що Україна неорядянська держава. – <http://www.pravda.com.ua>. від 25.03. 2004
9. *Darden K.* Blackmail as a Tool of State Domination: Ukraine under Kuchma // East European Constitutional Review. Vol.10(2/3). 2001. P. 67–71.
10. *Рябчук М.* Зона Відчуження. Українська олігархія між Сходом і Заходом. К.; Критика, 2004.
11. *Hans Van Zon.* Political Culture and Neo-Patrimonialism Under Leonid Kuchma // Problems of Post Communism. Vol.52. № 5. September-October 2005. P.15.
12. Обзор публикаций на эту тему, а также альтернативное объяснение событий к 2004 г. в Украине через категорию перехода было предложено мной в таких публикациях: *Мацієвський Ю.* «Помаранчева революція» крізь призму міждисциплінарних соціальних досліджень // Політичний менеджмент. 2005. № 6. С. 7–22; *Мацієвський Ю.* «Помаранчева революція» крізь призму транзитології // І. 2005. № 40. С. 29–39.
13. *Колодій А.* Від «Сірої зони» до кольору сонця: Помаранчева революція і демократичний перехід в Україні // Агора. Вип.1. – <http://www.kennan.kiev.ua/kkr/publications.htm>; *Якушик В.* Українська революція 2004–2005 років. Спроба теоретичного аналізу // Політичний менеджмент. 2006. № 2. С.19–36.
14. *Маркс К.* Злиденність філософії // Маркс К., Енгельс Ф. Твори. Вид. 2-е. Т. 4. К., 1959. С. 94.
15. *Якушик В.* Українська революція 2004–2005 років, с. 27.
16. Детальнее см.: *Мацієвський Ю.* «Помаранчева революція» крізь призму транзитології, с. 29–39.
17. *Eke S., Kuzio T.* Sultanism in Eastern Europe. The Socio-Political Roots of Authoritarian Populism in Belarus // Europe-Asia Studies. Vol. 52. No.3 (May 2000). P. 523–547.
18. *Silitski V.* Has the Age of Revolutions Ended? – <http://www.tol.cz/look/TOL/article.tpl>
19. См.: Nations in Transit 2007. Democratization in East Central Europe and Eurazia / Ed. A. Motyl, A. Schnitzer. N.Y.: Rowman & Littlefield Publishers, Inc., 2007.

20. См. публикации Ю. Мостовой, С. Рахманина, Н. Пестряковой в укр. еженедельной газ. «Зеркало недели» № 1, 3, 17 за 2005 г.
21. Захаров Є. Усвідомлена необхідність правозахисту // Критика. 2005. № 12. С. 7.
22. Программа «Выборы 2006», эфир от 9 марта 2006 г. на телеканале «1+1».
23. Захаров Є. Усвідомлена необхідність..., с. 7.
24. См.: <http://www.zn.ua/1000/1550/60724/>
25. Nations in Transit 2007. –
<http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=47&nit=409&year=2007>
26. Ibid,
http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=352&ana_page=330&year

20. См. публикации Ю. Мостовой, С. Рахманина, Н. Пестряковой в укр. еженедельной газ. «Зеркало недели» № 1, 3, 17 за 2005 г.
21. Захаров Є. Усвідомлена необхідність правозахисту // Критика. 2005. № 12. С. 7.
22. Программа «Выборы 2006», эфир от 9 марта 2006 г. на телеканале «1+1».
23. Захаров Є. Усвідомлена необхідність..., с. 7.
24. См.: <http://www.zn.ua/1000/1550/60724/>
25. Nations in Transit 2007. –
<http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=47&nit=409&year=2007>
26. Ibid,
http://www.freedomhouse.org/template.cfm?page=352&ana_page=330&year